

История России — история крестьянства

«Выскажу убеждение своё прямо: словесная речь человека — это дар Божий, откровение: доколе человек живёт в простоте душевной, доколе у него ум за разум не зашёл, она проста, пряма и СИЛЬНА; по мере раздора сердца и думки, когда человек заумничается, речь эта принимает более искусственную постройку, в общежитии пошлеет, а в научном круге получает особое, условное значение».

Владимир Даль

Предваряя слово Афанасьевой-Медведевой о русском народном языке, поздравляю Галину Витальевну с высокой наградой — Государственная премия

Российской Федерации, которую вручил Президент России Владимир Владимирович Путин, с поклонным словом. В российском гуманитарном мире — среди историков, филологов, этнографов, фольклористов и писателей — да и в читающем народе по поводу премии мнение единодушное: «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» в 25 томах не просто заслуживает Государственной премии, но по великому тридцатилетнему напряженному труду даже и превосходит награду.

Чтобы посвятить всю научную, творческую и даже житейскую судьбу служению русскому крестьянскому слову, нужно было восхититься мудростью и красотой устной народной поэзии, воплощенной в пословице, поговорке, фразе, песне, сказке, былинке, быличке, бывальщине; а восхитившись, нужно было Галине Витальевне корневое русское слово полюбить. Видимо, любовь к народному слову зародилась в стенах Иркутского педагогического института, который славился талантливыми диалектологами и фольклористами, среди которых были ее наставники.

Коль 50 томов словаря — живописная, поэтичная крестьянская речь, хотелось бы земно поклониться русскому крестьянству. В очерках о крестьянстве я писал и ныне повторяю: *История России — история крестьянства*, ибо на утренней заре прошлого столетия крестьяне в патриархальном Русском Царстве составляли абсолютное большинство населения. Лишь на безумном закате прошлого века, когда глобальная технократическая цивилизация почти погребла природный мир и слитый с ним крестьянский, сельских жителей изрядно убавилось; но даже бывшие крестьяне, что перешли в другие сословия, и порой даже те, что родились оторванные от земли, в сокровенной глубине души и по сей день не утратили крестьянского духа и томительной, отрадной тяги к матери-сырой земле. Исконно русские крестьяне, не ведавшие азы, буки и веди, но обладавшие вселенским знанием, что передавалось из колена в колено, изустно постигавшие Святое Писание, смиренные, негорделивые, покаянные, были христоролюбивее и царелюбивее, чем иные российские сословия.

Западники, иноземные и доморожденные, настойчиво и назойливо толковали миру о рабской сущности, лености, темноте и забитости русского крестьянина. Что греха таить, водились в русском народе, и даже в крестьянском сословии, и дикие, и вечно пьяные, и ленивые... в семье не без урода... хотя падшие, как отщепенцы, не были людьми типичными в народе, но вот беда, оборзевшие обозреватели русских нравов из западных сочинителей и здешних обличителей испокон веку обвыклись выдавать частное за типичное и малевать русских лишь черным цветом. Грешно говорить о темноте и дикости и русского крестьянина, что создал сверхгениальную и необозримую обрядовую, песенную и речевую культуру, превосходящую крестьянские культуры европейских народов. И полагаю, 50-томный «Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» тому верное доказательство...

Галина Витальевна сорок лет без малого провела в экспедициях, обследовала более тысячи сибирских сел и деревень, общалась с тысячами крестьян, от которых и записывала рассказы, вошедшие в «Словарь...». Навек остались впечатления о крестьянах советских, крестьянах нынешних и о крестьянах в ретроспективе веков.

Русские крестьяне, мистически исходя «от креста» и «Христа», выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из

крестьянской и природной жизни. И русская литература порождала талантливые произведения, когда сочинения насыщались крестьянским пословично-поговорочным, образным, мудрым крестьянским словом.

Владимир Даль, которого Александр Пушкин благословил и вдохновил на создание сборника «Пословиц русского народа» (да и «Толкового словаря живого великорусского языка»), вспоминал: «...А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладой он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений».

В статье, посвящённой памяти Владимира Даля, Петр Бартенев писал: «Сближение с Жуковским, а через него с Пушкиным, утвердило Даля в мысли собрать словарь живого народного русского языка. В особенности Пушкин деятельно ободрял его, перечитывал вместе с ним его собрание и пополнял своими сообщениями». Во время одной из последних встреч с Владимиром Далем Александр Пушкин воскликнул с восторгом и горечью: *«Сказка сказкой, а язык наш сам по себе; и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать?.. Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не даётся в руки, нет»*. Пушкин не скромничал, исповедально и поклонно опустив голову перед величием двухтысячелетней крестьянской поэзии, хотя и гений-то пушкинский в том, что он, дворянин, выросший на английских и французских романах, сумел ...поклон крестьянке Арине Родионовне... пробиться к народно-православному духу и крестьянскому слову, и благодаря сему вознесся над поэтами «золотого века» как русский народный поэт.

В двадцатом веке в русскую литературу, дотоль дворянскую, пришли писатели из крестьянского сословия, избранные произведения которых не уступали и произведениям великих предшественников. Эти писатели, во второй половине прошлого века прозываемые «деревенщиками», лишь прикоснулись к величавой и безбрежной стихии русского народного языка и уже создали талантливые произведения. Среди сих писателей и Валентин Распутин...

Если Александр Пушкин благословил Владимира Даля на создание двух словарей, то Валентин Распутин, думаю, постоянно поддерживал Галину Витальевну в ее тридцатилетнем труде над «Словарем...». И, как благодарственный поклон Валентину Григорьевичу, исследование Галины Витальевны: «Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина: Словарь», изданное в двух томах. Исследование для меня было неожиданным: я полагал, что в прозе Валентина Распутина авторская речь книжно-академична, и лишь в речи героев писатель позволял диалектную лексику и диалектную фразеологию, в отличие от Николая Лескова, Алексея Ремизова, Бориса Шергина, Владимира Личутина, которые в избранных сочинениях и авторскую речь насыщали диалектизмами.

«Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири» в 25 томах, над которым Галина Афанасьева-Медведева трудится более тридцати лет, в русской фольклористике не сопоставим даже с книгами талантливых народоведов позапрошлого века — Снегирев, Забылин, Якушкин, Максимов, братья Киреевские, Барсов, но, возможно, сопоставим с «Толковым словарем живого великорусского языка» в четырех томах, составленным Владимиром Далем, с его книгой «Пословицы русского народа». Даже назвать работу Галины Афанасьевой-Медведевой над «Словарем...» подвигом было бы снисходительно — подвиг предполагает

нечто мощное, отважное, но скоротечное, а перед нами тридцатилетний вдохновенный, тяжкий и азартный труд, подобный крестьянскому, который можно смело повеличать вневременным явлением русской культуры, а, перво-наперво, русской словесности.

Хотя труд и поименован словарем, но создан не ради диалектных слов и фразеологизмов, — диалектизмы вплетены в устные деревенские сказы, полные детски яснодушной крестьянской любви к Вышнему и ближнему, полные земной и небесной мудрости, облеченной во вселенски образную стихию крестьянской речи. И меркнет духом и словом письменная проза, даже и классическая, перед этими на беглый взгляд непрехотливыми сказами, где сама душа народная, народом же излитая. Перед читателями не просто словарь говоров Русской Сибири, перед читателями — обойденная историками Российской Империи, истинная, правдивая, не искаженная в угоду той или иной правящей идеологии история России, история русского народа, по характеру крестьянского.

* * *

...Москва. Кремль. 24 июня 2020 год. Звучит кремлевский голос: «За вклад в сохранение, изучение и развитие традиционной вербальной культуры русских старожилов Байкальской Сибири Государственная премия Российской Федерации присуждена директору Иркутского регионального центра русского языка, фольклора и этнографии Галине Витальевне Медведевой».

Далее — слово Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина: «Этнография стала ядром научных исследований лауреата Государственной премии в области литературы и искусства Галины Витальевны Медведевой. Четыре десятка лет посвятила она изучению, развитию культуры старожилов Байкальской Сибири, потомков русских первопроходцев, которые сохранили уникальное языковое, фольклорное наследие. В основу её работ легли результаты полутора сотен экспедиций, знакомство с укладом жизни, обычаями более 1200 селений. И поразительно, как Галине Витальевне удаётся сочетать такую активную полевую работу с плодотворной педагогической и писательской деятельностью. Говорю в том числе о 20-томном словаре говоров жителей прибайкальских территорий, о словаре "Народное слово в рассказах и повестях Валентина Распутина"».

Анатолий Байборodin

«Дорогой Владимир Владимирович, большое Вам спасибо за высокую оценку моего труда, и хочется выразить слова благодарности в адрес носителей традиционной культуры, наших рассказчиков — без них наш словарь «Говоров русских старожилов Байкальской Сибири» не состоялся бы. А это тысячи и тысячи простых людей, а это потомки тех самых пашенных крестьян, которые когда-то быстро и навсегда решили для себя вопрос: быть ли Сибири японской, китайской, английской или русской. За весь период собирательной деятельности — а это сорок лет — мы исследовали народный словарь, исследовали более тысячи пятисот селений и деревень, которые расположены в Иркутской области, Красноярском

крае, в Забайкалье, в Республике Бурятия, Саха-Якутии. Ясно, что многие деревни уже исчезли с лица земли, однако ушедшие селения — это не задворки русской цивилизации, именно они помогли сохранить вековые традиции, без которых не может существовать народ. Они спасли от забвения уникальный говор русского языка, обычаи, обряды, верования и воспоминания о традиционном укладе жизни сибирской деревни. Как видно из записанных нами рассказов, русская деревня еще недавно представляла уникальное образование со своей удивительной способностью к саморегуляции и самосохранению. Вспомним распространённый по всей Сибири обычай так называемой мирской помочи, представлявший собой совместный добровольный труд крестьян. Каждый крестьянин в трудную минуту мог рассчитывать на помощь односельчан: будь то жатва, сенокос, постройка дома, заготовка дров и другое. Такая самоорганизация совместного труда, как помочь, в которую в течение всей жизни был включен русский человек с его духообъединяющей энергией, являлась внутренним экономическим ресурсом сибирской деревни. [Взаимопомощь], и делала ее относительно независимой и крепко стоящей на ногах. Этот русский обычай обладал и мощной нравственной силой: у помочан отсутствовали эгоистические материальные интересы, они работали добровольно. Возможно, отсюда и современное волонтерство с его главной идеей выживать сообща, помогая друг другу. Не может не поразить сознание и другое явление этого ряда — так называемая традиция крестьянской благотворительности. Речь идет о содержании одиноких стариков [и старух], бездомных, обездоленных, на средства самих жителей деревни. В этой традиции нашло отражение одно из лучших свойств национального характера русского человека, его долг и совесть. (...) Содержание всей деревней беспомощных [являлось] выдающимся нравственным законом. Нравственные качества сибиряков ярко проявляются и в народных рассказах об обычае выставлять булку хлеба и крынку молока на специально сделанную полочку под названием «бродяжка». Это делалось для того, чтобы бродяга беглый (...), да и просто прохожий, могли поддержать свои силы и продолжить путь. Сегодня кажется поразительным, что в то время люди могли бескорыстно заботиться о тех, кто даже им незнаком. А к примеру слово «чужовка» — это небольшое срубное помещение, в которое заключали провинившегося, то есть, отчуждали. При том вина могла заключаться в том, что просто украл — а в Сибири говорят иначе: высмотрел, к примеру, рыбу из ловушки — либо употребил бранное слово. В записанных нами устных рассказах, (...) иллюстрирующих их семантику, (...) кроме обозначенных тем, это и рассказы о войне, гражданской и Великой Отечественной, рассказы о репрессиях, о раскулачивании и многие другие. Все они свидетельствуют о том, что в основе системы морали сибиряка (...) — нравственные правила человеческой жизни (...): отзывчивость, сердечность, милосердие, миролюбие, отражающее установку на понимание и принятие другого, чужого, и в этом угадывается понятие толерантность. Как видим, многие понятия уходящей культуры можно экстраполировать на современность. К сожалению, время моего выступления ограничено, и мне не удастся изложить всё то, что хранят в себе 50 томов «Словаря говоров русских старожилов Байкальской Сибири». Ведь невозможно даже за несколько часов объяснить все тонкости языка, которые нам удалось сохранить — языка, на котором когда-то говорила вся Сибирь. Сегодня мы готовим к изданию 22-й том, впереди еще 28. Всё это пока издается в одной Иркутской области, и, к сожалению, в остальных регионах, выше названных, где также проходили полевые изыскания, до сих пор не издано ни од-

ного тома словаря, несмотря на обращения граждан с просьбой выслать хоть одну книгу на село с рассказами их бабушек и дедушек. Эта просьба представляется особо актуальной именно сегодня, когда, к счастью, в обществе усиливается интерес к малой родине, к традиционным духовным ценностям. И в этом вопросе нам бы, конечно, хотелось, Владимир Владимирович, видеть в этом Вашу поддержку. И последнее, мне бы хотелось подарить Вам книгу, над которой мне довелось трудиться более 20 лет, — книгу под названием «Медведь в русской традиционной культуре Восточной Сибири», основанную исключительно на живых рассказах охотников, которые проживают от Енисея до Камчатки, от Ледовитого океана до границы с Монголией и Китаем на юге».